

K. С. Захилько, магистр юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА)

1. Современные международные отношения тесно связаны с интеграционными процессами и взаимодействиями, в том числе в правовой и экономической сферах. Так, Украина в 2014 г. подписала Соглашение об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом, имеющим целью углубление интеграции между указанными субъектами, в том числе в сферах политики и торговли. Республика Беларусь на сегодняшний день является участником такого международного образования, как Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). Указанные процессы международного взаимодействия имеют определенное влияние и на правовую, включая уголовно-правовую деятельность. Эти процессы следует учитывать при ретроспективном и перспективном анализе, необходимом для законотворческой работы.

2. На сегодняшний день отмечается недостаточность деятельности по сближению нормативных баз государств-участников ЕАЭС в вопросе консолидации мер по противодействию трансграничным и некоторым иным преступлениям и необходимость активизации такой деятельности¹. Потребность в сближении обосновывается наличием проблем и разнотений существующего нормативного регулирования на национальном уровне. Рассмотрим данный вопрос на примере интеграционных процессов в ЕАЭС.

Учитывая провозглашенную Договором о ЕАЭС цель формирования единого рынка товаров, услуг и капиталов (ст. 4 Договора о ЕАЭС), субъекты хозяйствования по мере формирования такого рынка будут стремиться выбирать национальную правовую систему, содержащую более выгодные для них условия деятельности, в том числе и в случае возникновения эко-

¹ Лукашов А. И. Трансграничные преступления и уголовная политика государств Таможенного союза и Единого экономического пространства [Электронный ресурс] // ИБ КонсультантПлюс. Комментарии Законодательства. – Белорусский Выпуск. – Мн., 2017. – Загл. с экрана

номической несостоятельности (банкротства). Как отмечается Евразийским банком развития, идея конкуренции юрисдикций, стимулирующей государства к оптимизации своего хозяйственного и налогового законодательства под угрозой миграции бизнеса и капиталов, изначально закладывалась в механизм Евразийской интеграции¹. Зарубежные исследователи указывают, что в развитых экономических интеграционных объединениях бизнес выражает отчетливый спрос на юрисдикции, предоставляющие более льготные условия в области налогового и корпоративного законодательства². Вместе с тем более выгодным является не только прозрачное, простое либо предоставляющее льготные условия регулирование. Для некоторых из субъектов хозяйствования больший интерес может представлять законодательство тех государств-членов ЕАЭС, которое не позволяет эффективно пресекать общественно опасные деяния, ориентированные на извлечение необоснованных выгод из состояния экономической несостоятельности (банкротства), и которое не предусматривает жесткие санкции за совершение таких общественно опасных деяний. Такого рода «спрос» бизнеса лишен социально позитивной направленности, особенно в случае с Республикой Беларусь, где правоохранительные органы не имеют достаточного опыта выявления и раскрытия криминальных банкротств³.

Проблема согласованности норм об ответственности за криминальное банкротство между законодательством Беларуси и иных стран ЕАЭС имеет реальное наполнение. Анализ позволяет выявить следующие разнотечения:

1) статья 196 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за действия, заведомо влекущие

¹ Бизнес отказался интегрироваться в Евразийский экономический союз // Ростбизнесконсалтинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rbc.ru/economics/18/05/2017/591d8c9d9a79475b817110ec>. – Загл. с экрана.

² Stefan Vogenauer, Regulatory Competition through Choice of Contract Law and Choice of Forum in Europe: Theory and Evidence // European Review of Private Law, Issue 1. – Vol. 1. – 2013. – P. 13–78 [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.kluwerlawonline.com/abstract.php?area=Journals&id=ERPL2013002>. – Title from the screen.

³ Например, см.: Смольский А. П. Особенности квалификации и выявления криминального банкротства // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс: Беларусь» [Электронный ресурс]. – ООО «ЮР-Спектр». – Послед. обновление 18.11.2016; – Загл. с экрана; Буйкевич О. С., Исаченко П. А. Повышение эффективности профилактики неплатежеспособности и выявления криминальных банкротств // Промышленно-торговое право. – № 1. – 2016. – С. 93–96.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17 апреля 2017 г.) / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699. – Загл. с экрана.

неспособность субъекта рассматриваемого преступления в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязательства по уплате обязательных платежей, если эти действия причинили крупный ущерб. В отличии от ст. 240 УК Беларуси, такие действия влекут уголовную ответственность и при отсутствии специального признака цели – в личных интересах или в интересах иных лиц. Кроме этого, российский законодатель отказался от использования бланкетного признака «неплатежеспособность», на котором основана аналогичная норма УК Беларуси, раскрыв содержания этого признака непосредственно в ст. 196 УК РФ;

2) статья 197 УК РФ криминализует публичное объявление субъектом хозяйствования о несостоятельности в случае, если такое объявление является заведомо ложным и причинило крупный ущерб. Белорусский законодатель в ст. 238 УК избрал несколько иной подход и криминализировал специальный случай подлога документов, содержащих сведения об экономической несостоятельности субъекта хозяйствования, предоставляемых от его имени в суд, рассматривающий экономические дела, со специальной целью (признание должника неплатежеспособным).

Несколько более существенные различия в вопросе соотношения норм об ответственности за деяния, криминализованные в ст. 239 УК Беларуси (Сокрытие экономической несостоятельности (банкротства)). Деяния, описываемые указанной статьей, лишь отчасти криминализируются в ч. 1 ст. 195 УК РФ. Вместе с тем белорусские и российские нормы в этой части схожи лишь относительно (схожи по существу, но не по форме, деяния описываются по иной модели, можно сказать, что объем криминализируемых ими деяний пересекается). Схожая проблематика выявляется и при соотношении уголовно-правовых норм России и Беларуси, предусматривающих ответственность за деяния, аналогичные препятствованию возмещения убытков кредиторам должника, описанные в ст. 241 УК Беларуси.

Полностью аналогичная ситуация обнаруживается при соотношении норм белорусского законодательства с нормами, закрепленными в Уголовном кодексе Казахстана (далее – УК Казахстана) (статьи 237–240), Киргизстана (статьи 216–218) и Армении (статьи 192–194)¹. Нормы указанных

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 (с изм. и доп. по сост. на 06 мая 2017 г.) / ИПС ПАРАГРАФ-WWW [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. – Загл. с экрана; Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г. (с изм. и доп. по сост. на 20 мая 2017 г.) / Национальное собрание Республики Армения. Официальный сайт [Электронный

государств содержат практически идентичное российскому регулирование вопросов ответственности за криминальное банкротство за некоторыми исключениями.

Специфично по сравнению с другими странами ЕАЭС российский и казахстанский законодатель решил вопрос дифференциации ответственности за криминальное банкротство финансовых организаций. Так, УК Казахстана (ч. 2 ст. 238, ч. 2 ст. 239 и др.) и Уголовный кодекс РФ (ст. 172.1 и ч. 3 ст. 195) предусматривают повышенную уголовную ответственность за отдельные виды криминального банкротства финансовых организаций. Отсутствие таких норм в Республике Беларусь, которая установила лишь административную ответственность за указанные действия (ч. 9 ст. 12.13 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях), может осложнить решение вопросов привлечения к уголовной ответственности при трансграничной активности лиц, совершивших криминальные банкротства, и, в частности, в связи с разрешением запроса о выдаче лиц, совершивших указанные преступления.

3. Аналогичный комплекс вопросов может возникнуть при европейской интеграции Украины. Так, ст. 83 Договора о функционировании Европейского Союза предусматривает возможность введения национальных стандартов для сближения норм об уголовной ответственности с целью обеспечить эффективность функционирования политики Европейского Союза в целом или в одной из его сфер. В этой связи могут возникать вопросы соотношения уголовно-правового обеспечения важнейшего института рыночной экономики – института банкротства. В уголовном законодательстве подавляющего числа стран Европейского Союза закреплен достаточно жесткий и широкий подход к криминализации деяний, входящих в группу криминального банкротства. Так, например, параграфы 283–283d Уголовного уложения Федеративной Республики Германия¹ описывают широкий круг деяний, посягающий на нормальное функционирование института криминального банкротства, вплоть до

ресурс]. – Режим доступа : <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=ru&s&sel=show>. – Загл. с экрана; Уголовный кодекс Киргизской Республики от 01 сентября 2001 г. (с изм. и доп. по сост. на 10 мая 2017 г.) / ИПС ПАРАГРАФ-WWW [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. – Загл. с экрана.

¹ Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 312 с.

кriminalизации грубых нарушений ведения дел или правил бухгалтерского учета при несостоятельности, банкротстве или даже «сверхзадолженности». При этом рассматриваемые посягательства немецкий законодатель относит к категории преступлений, а не проступков. Одновременно с этим украинский законодатель декриминализировал большинство статей, предусматривающих уголовную ответственность за деяния, входящие в группу криминального банкротства, в 2011 г.¹

4. С учетом того, что институт банкротства является важным институтом рыночной экономики, а уголовно-правовые меры являются важным механизмом его обеспечения, преодоление имеющейся несогласованности национальных законодательств в сфере противодействия криминальным банкротствам следует назвать одной из задач в рамках существующих интеграционных процессов экономического характера. Решение этой задачи возможно путем принятия государствами, участвующими в таких процессах, согласованных мер, направленных на гармонизацию и унификацию уголовного закона. При этом процесс гармонизации и унификации национальных уголовных законов о криминальном банкротстве должен быть сопряжен с процессом гармонизации и унификации законодательства государств-участников ЕАЭС об экономической несостоятельности (банкротстве).

B. I. Резюк, преподаватель уголовно-правовых дисциплин Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И УКРАИНЫ

По концепции уголовного права и Республики Беларусь, и Украины одним из элементов состава является объект преступления. Несмотря на

¹ Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо гуманізації відповідальності за у сфері господарської діяльності. [Электронный ресурс]. – Закон України від 15 листопада 2011 р. №4025-VI // Верхов. Рада України. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/4025-17>. – Заголовок з екрана.